

IV

ПИСЬМА

С. А. СЕМЯЧКО

В. Я. ПРОПП О «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»

Владимир Яковлевич Пропп никогда не занимался летописанием и в своей научной деятельности никогда не обращался к «Повести временных лет» (далее — ПВЛ). В письме своему коллеге и другу Игорю Петровичу Еремину он заметил: «В свое время, студентом 1-го или 2-го курса, прочел целиком “Повесть” и с тех пор — ни разу»¹. Поводом для его обращения к ПВЛ, равно как и поводом к написанию упомянутого письма, стала небольшая книжка И. П. Еремина, вышедшая в 1946 г.²

Эта книга, несмотря на свои весьма скромные размеры, стала заметным явлением в науке. Еще до выхода основного тиража ответственный редактор монографии П. Н. Берков на врученном им И. П. Еремину сигнальном экземпляре книги написал: «Дорогому Игорю Петровичу, автору этой книги, от ответственного редактора в надежде, что все обойдется благополучно и без последствий»³. Что же вызывало тревогу ученого редактора?

В конце 30-х—40-е гг. прошлого века в истории изучения русского летописания сложилась удивительная ситуация, когда в течение нескольких лет одна за другой выходили работы, на долгие годы определившие характер исследования летописных текстов. В 1938 и 1940 гг., в основном трудами М. Д. Приселкова, были

---

¹ Письмо публикуется в приложении к данной статье.

² Еремин И. П. «Повесть временных лет»: проблемы ее историко-литературного изучения / отв. ред. П. Н. Берков. Л., 1946. Книга дважды переиздавалась: 1) Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики) / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1966. С. 42–97 (под заголовком «“Повесть временных лет” как памятник литературы»); 2) Еремин И. П. Исследования по древнерусской литературе. Т. 2: Литература Киевской Руси XI–XII вв. Литература Московской Руси. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2014. С. 15–77. В настоящей статье работа цитируется по первому изданию.

³ Еремина В. И., Семячко С. А. Игорь Петрович Еремин: Очерк жизни и научной деятельности // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2020. Т. 57. С. 809.

опубликованы две книги умершего в 1920 г. академика А. А. Шахматова: «Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв.»⁴ и ««Повесть временных лет» и ее источники»⁵, на которые сразу же отозвался другой участник исследовательского процесса, Д. С. Лихачев⁶, тогда еще только начинавший свою работу над русскими летописями. В 1940 г. появилась книга самого М. Д. Приселкова «История русского летописания XI–XV вв.»⁷, в основе которой лежала его докторская диссертация, защищенная годом раньше. В 1944 г. Д. С. Лихачев защитил кандидатскую диссертацию «Новгородские летописные своды XII в.». Спустя два года вышла книга И. П. Еремина, о которой идет речь, а вскоре вслед за ней, в 1947 г. — книга Д. С. Лихачева «Русские летописи и их культурно-историческое значение»⁸, и в этом же 1947 г. Д. С. Лихачев защитил докторскую диссертацию «Очерки по истории форм летописания XI–XVI вв.». Еще два года спустя была опубликована статья И. П. Еремина «Киевская летопись как памятник литературы»⁹, а на следующий год появилось фундаментальное издание «Повести временных лет» в серии «Литературные памятники», для которого Д. С. Лихачевым был написан историко-литературный очерк, посвященный издаваемому произведению¹⁰, в нем учений повторил основные наблюдения и выводы, изложенные ранее в монографии¹¹.

⁴ Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.

⁵ Шахматов А. А. «Повесть временных лет» и ее источники // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1940. Т. 4. С. 9–150.

⁶ Лихачев Д. С. Издание трудов А. А. Шахматова по русским летописям // Книжные новости. 1938. № 23. С. 25. См. также более позднюю работу: Лихачев Д. С. Шахматов как исследователь русского летописания // А. А. Шахматов. 1864–1920: Сб. статей и материалов / под ред. С. П. Обнорского. М.; Л., 1947. С. 253–293.

⁷ Приселков М. Д. История русского летописания XI–XV вв. Л., 1940. Перепр.: СПб., 1996.

⁸ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947.

⁹ Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 67–97.

¹⁰ Лихачев Д. С. «Повесть временных лет» (Историко-литературный очерк) // Повесть временных лет / подгот. текста, статьи и comment. Д. С. Лихачева; пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова; под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1950. Ч. 2. С. 5–148.

¹¹ В мою задачу не входит полный обзор истории изучения летописания в середине XX в. На этот счет существует фундаментальное исследование: Вовина-Лебедева В. Г. Школы исследования русских летописей: XIX–XX вв. СПб., 2011. С одной небольшой поправкой: на с. 385 речь идет не о Игоре Петровиче Еремине, а о Степане Антоновиче Еремине, как установила позднее сама же В. Г. Вовина-Лебедева, еще одном участнике семинарии

Книги А. А. Шахматова открыли эпоху усиленного текстологического изучения летописных памятников. «...Его точка зрения является господствующей в нашей науке», — писал об этом И. П. Еремин¹². Исследования А. А. Шахматова показали, что текст ПВЛ неоднороден, что создавался он далеко не единовременно, и в книге М. Д. Приселкова эта точка зрения получила дальнейшее развитие и логическое завершение: текст ПВЛ был представлен в ней как своеобразный слоеный пирог, пласты которого восходили к различным памятникам предшествующей летописной традиции.

Книга И. П. Еремина оказывается вне этого мощного текстологического потока. Как кажется, исследование М. Д. Приселкова стало одним из побудительных мотивов работы И. П. Еремина, не случайно последний считает нужным остановиться в своей книге на ряде несообразностей, обнаруженных им в работе предшественника¹³. Однако это вовсе не означает, что И. П. Еремин отрицает текстологический метод как таковой. Скорее, он выступает против крайностей этого метода, против того, чтобы все особенности текста летописей объяснять исходя исключительно из истории их текста; против того, чтобы текст их считать хаотичным нагромождением разновременных фрагментов, которые удерживаются вместе лишь благодаря погодной сетке. Существует текст ПВЛ, он реален, и его художественное своеобразие должно быть раскрыто. С точки зрения ученого, в первую очередь следует объяснить ту «настойчивость, с какой летописец пытается уложить свой повествовательный материал в рамки непременно погодного изложения»; то «равнодушие, с каким он смотрит на то, как в результате такого способа изложения — из всех возможных самого, казалось бы, неудобного и для него самого, и для читателя — постоянно рвутся у него сюжеты, перебивают, вытесняют один другого»; «фрагментарность» летописного повествования, «в результате которой резко ослабевает связь между отдельными частями повествования и каждая часть стремится отмежеваться от соседей и наглоухо замкнуться в себе самой»; «невосприимчивость летописца к противоречиям его же собственного изложения»¹⁴. Нигде в книге И. П. Еремина не идет речи о том, что у ПВЛ не было никакой истории текста, речь идет о том, чтобы проанализировать результат этой истории как цельный текст¹⁵, обладающий своими

В. Н. Перетца (*Вовина-Лебедева В. Г.* К вопросу о школах А. А. Шахматова и В. Н. Перетца: Степан Антонович Еремин // Круги времен: В память Елены Константиновны Ромдановской. М., 2015. Т. 2. С. 495–520).

¹² Еремин И. П. «Повесть временных лет». С. 7.

¹³ Там же. С. 36–39.

¹⁴ Там же. С. 3–4.

¹⁵ Проблема фрагментарности / цельности летописного текста будет волновать исследователей многие годы, ее и до сих пор нельзя считать не только

художественными особенностями. Очень важно следующее замечание исследователя: «Не отрицая возможности вторичного происхождения отдельных художественных “загадок” летописного повествования — в процессе движения текста, думаю, однако, что свести к этому движению всю художественную структуру “Повести”, т. е. по существу снять самый вопрос о своеобразии летописного художественного изображения нельзя»¹⁶.

«Реально дошедший до нас текст “Повести” может стать предметом анализа и независимо от его родословной, ибо какую бы сложную историю ни пережил текст того или иного литературного произведения, текст этот в своей окончательной редакции никогда не теряет своего единства как по содержанию, так и по форме, отрицать это единство в данном случае значило бы рассматривать дошедший до нас текст “Повести”, легший в основу всего древнерусского летописания, как механический сплав разного рода напластований, как текст неполноценный и по содержанию, и по форме»¹⁷.

Именно этим книга И. П. Еремина оказалась интересна В. Я. Проппу, который в своей научной деятельности был тогда далек от текстологической проблематики: его, как и И. П. Еремина, интересовал текст (И. П. Еремина — письменный, В. Я. Проппа — устный) как художественное целое. Поэтому он и пишет И. П. Еремину: «...мне близок Ваш метод, и тут я, хотя и из своего угла, но могу судить».

Если М. Д. Приселков не был склонен рассматривать летопись как литературный памятник, то для Д. С. Лихачева вопрос художественного своеобразия летописного текста был весьма актуальным. Речь не идет о том, что текстологи индифферентны к сугубо литературоведческой проблематике, а И. П. Еремин игнорирует вопросы генеалогии текстов; вопрос сводится к последовательности действий исследователя. По мнению И. П. Еремина, «анализ художественной структуры этого текста должен предшествовать решению генеалогической проблемы, так как, быть может, позволит точнее определить, что в тексте этом следует отнести за счет его истории и что — за счет его художественной структуры»¹⁸. Оппоненты И. П. Еремина полагали, что начинать следует с выяснения истории текста¹⁹.

ко решенной, но и получившей всестороннее обсуждение. См., например: Шайкин А. А. «Нечто цельное», или Вопросы литературоведческого изучения «Повести временных лет» // Шайкин А. А. Поэтика и история: На материале памятников русской литературы XI–XVI веков: Учебное пособие. М., 2005. С. 25–65.

¹⁶ Еремин И. П. «Повесть временных лет». С. 8.

¹⁷ Там же. С. 9.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Каковы бы ни были опасения П. Н. Беркова, научную полемику не стоит воспринимать как суровое противостояние. И. П. Еремина и Д. С. Лихачева

Если смотришь на летопись как на цельный текст (а это нормальный взгляд читателя, который не обязан знать о слоистости текста, о его многосоставности²⁰), то множество летописцев сливаются в единую фигуру, того самого пушкинского Пимена. Дело не в «гениальной интуиции» Пушкина, в которой ему, безусловно, нельзя отказать, дело в том, что Пушкин был читателем, с его, читательской, точки зрения, текст летописи был единым, и, соответственно, у этого цельного текста был один творец. Но для И. П. Еремина-исследователя этот Пимен был условным, поскольку он знал, что за созданием летописи стоял не Пимен, но пимены. Эту условность фигуры автора ощущал и В. Я. Пропп. Не случайно, если И. П. Еремин сближает летописца с литературным персонажем, пушкинским Пименом, то В. Я. Пропп предлагает параллель с персонажем фольклорным, Ильей Муромцем.

В. Я. Пропп видит необходимость выделения неких «мыслительных категорий», «которые определяют собой решительно все». Надо понимать, что эти мыслительные категории позволили бы определить границы и специфику литературного и фольклорного, средневекового и современного, устаревшего и актуального. Уже одна только найденная И. П. Ереминым такая категория — отношение множества к единству — заставляет В. Я. Проппа признать необходимость скорректировать свои представления об отдельных вещах, которые он считал специфически фольклорными. Он затрагивает лишь проблемы единства времени / множественности времен, единства пространства / множественности миров. Он делает попытку сопоставления эпоса и летописи и, как кажется, приходит к выводу, что в летописи нет единства: «Она имеет зернистое строение, как гранит, где каждый хрусталик — год, и эти годы не согласованы и полны противоречий». И тут же, казалось бы, опровергает себя: «Но это единство есть, и это единство имеется Богом».

Понятно, что В. Я. Пропп не мог откликнуться на книгу И. П. Еремина рецензией: невозможно представить, чтобы в конце 40-х гг. прошлого века ученый мог в печатном тексте рассуждать о Боге (с заглавной буквы) как творце единства, будь то единство, цельность средневековой жизни или цельность летописного текста. Напрашивается вывод, что цельность текста создается не неким единственным автором, которого на самом деле не было, а един-

---

связывали давние дружеские отношения, и именно Д. С. Лихачев после смерти И. П. Еремина занимался переизданием его работ, в том числе и посвященных летописанию, в том числе и той книги, о которой сейчас идет речь. См.: Еремин И. П. Литература Древней Руси: (Этюды и характеристики) / отв. ред. Д. С. Лихачев. М.; Л., 1966 (С. 47–92: «Повесть временных лет» как памятник литературы).

²⁰ Очевидна проблема публикатора летописного текста для массового читателя: как дать представление об истории сложения летописного текста, чтобы показать его многосоставность и при этом не разрушить его цельности.

ством мировоззрения многих авторов, единством их веры, общностью нравственных критериев. «Бог — не моральная категория. Бог есть именно воплощение той святой для летописца идеи, составляющей основное содержание всей летописи и стоящей в полном противоречии со всей *формой* его мышления». И далее — что это означает в политическом, нравственном и религиозном отношении.

«Ошибается Лихачев...». Лихачев в рамках печатной научной работы так же ограничен в выражении своей позиции, как Еремин или Пропп, если речь идет о вере и Боге. По мнению В. Я. Проппа, общность позиции летописцев (здесь следует все же говорить о летописцах, а не о летописце) и создателей фольклорного текста объясняется общностью их веры, одинаковым отношением к Богу, а не заимствованием летописью «родового предания». Но одно не отменяет другого. Механизмы формирования той или иной идеи в тексте, будь это текст письменный или устный, должны были обсуждаться, и полноценное обсуждение оказывалось невозможным, как только это касалось вопросов религиозных. В частном письме у В. Я. Проппа было больше возможностей, чем в публичной дискуссии.

Впрочем, другие вопросы, затронутые В. Я. Проппом, такие, как время, пространство, вскоре стали предметом научного дискурса: в 1967 г. вышла «Поэтика древнерусской литературы» Д. С. Лихачева²¹, где эти вопросы получили всестороннее рассмотрение. Жаль только, что участие В. Я. Проппа в обсуждении всех этих вопросов ограничилось публикуемым здесь письмом.

Приложение

Письмо В. Я. Проппа публикуется по подлиннику (ОР РНБ, ф. 1111 (И. П. Еремин), № 190) с дополнением некоторых знаков препинания, требуемых современными пунктуационными нормами. Слова, выделенные В. Я. Проппом подчеркиванием (волнистой линией), переданы курсивом. Сокращения раскрыты в угловых скобках.

Дорогой Игорь Петрович!

Уже давно я собирался написать Вам, но, узнав, что Вы тяжко заболели, решил пощадить Вас. Потом прослыпал, что Вам стало лучше, но я завертелся во всяких делах, и не было возможности сосредоточиться. Сейчас я на даче, один с сыном, сижу спокойно у окна, гляжу на Разлив, могу и подумать, и пошевелить мозгами и пером.

Вы ждете « отзыва »? Его не будет. Будет гораздо лучше. Я хочу поделиться с Вами теми мыслями, которые возбудила во мне Ваша книга. Значит, она плодотворна, она будит мысль, потому

²¹ Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967. Впоследствии эта книга многократно переиздавалась.

что в ней есть мысль. Летописи я не знаю. В свое время, студентом 1-го или 2-го курса, прочел целиком «Повесть» и с тех пор — ни разу. Но смутно люблю ее (больше, чем «Слово о п~~о~~лку» Иг~~о~~реве»), она для меня — свое и живое. И значит, я не судья. Но мне близок Ваш метод, и тут я, хотя и из своего угла, но могу судить. Первое, что ощущаешь, читая Ваш труд, это удовольствие от ее простого, хорошего языка, от Вашего стиля. Я бы хотел писать так, как Вы. Язык отточен, потому что отточена мысль. Вы философ, каких я люблю. Вы мыслите материалами. Этого никогда не поймет, например, Реизов, которого лично я очень люблю, но способ мышления и письма которого я не люблю. Он «мыслит мнениями» — и теряюсь и не могу следить. (См. его книгу о Бальзаке, где Бальзака, по-моему, нет)²².

Во-первых, конечно, летописец — не дипломат, и не княжеский историограф и пр. Когда прочитал, что Вы сближаете его с пушкинским Пименом, я подпрыгнул от радости. То, что Пушкин понимал гениальной интуицией, Вы подтверждаете путем анализа. Он «земля Русская». Об этом и будет моя основная мысль.

В «Повести» есть вещи, которые я до Вас считал специфическими фольклорными. Вы увидели их в летописи и заставили меня передумать некоторые из своих убеждений. На Вашей книге я увидел: есть какие-то, вероятно очень простые в своей основе, мыслительные категории, которые определяют собой решительно все. Они еще не найдены. Но одна из них у Вас найдена. Это — отношение множества к единству. На некоторой стадии сознания, условно «фольклорной», или «народно-эпической», или как хотите, нет единства в мнении, хотя оно дано в непостигнутом опыте. Нет единого времени. Есть множество эмпирически постигаемых времен. Нет перехода от одного времени к другому. «Единство времени» античного театра есть именно отсутствие единства, тогда как наше дробление на части есть результат постигаемого единства. В пространстве: нет единого пространства, космоса, есть множественность всяких миров (марровское «космическое сознание» есть житейская фикция²³). В политике: есть роды, раздираемые распрями, враждующие, отделяющие свои охотничьи угодья. Они говорят на одном языке, и в будущем это — народ, но народное сознание требует веков для своего пробуждения. В эпосе: есть множество сюжетов, и до некоторой поры — нет центрального героя, нет «циклизации». Но вместе с тем эти разрозненные сюжеты составляют потенциальную эпопею, которая народом никогда не

---

²² Речь идет о книге: *Реизов Б. Г. Творчество Бальзака. Л., 1939.*

²³ Представления о космическом мышлении как особой стадии развития человечества, предшествовавшей стадии технологического мышления, разрабатывались Н. Я. Марром в рамках его яфетической теории. См. об этом, например: *Mapp H. Я. Избранные работы: в 5 т. Т. 3: Язык и общество. М.; Л., 1934.*

создается, но которая может быть создана. В языке: нет подчинения, есть нанизывание. И т. д.

Вы сами отнесете сюда летопись. У Вас уже сделано все, чтобы ее объяснить. Она имеет зернистое строение, как гранит, где каждый хрусталик — год, и эти годы не согласованы и полны противоречий. У Вас это показано с предельной ясностью.

Но самое интересное в том, что летопись уже показывает удивительное преодоление всей этой схемы. Она раздираема борьбой и полна противоречий иного рода. В мире нет единства, и в князьях нет согласия. Но это единство есть, и это единство именуется Богом.

Бог — не моральная категория. Бог есть именно воплощение той святой для летописца идеи, составляющей основное содержание всей летописи и стоящей в полном противоречии со всей формой его мышления. Политически это — идея единого государства, не раздираемого никакими распрями. Всякое преступление, совершающееся во имя этой идеи, уже не есть преступление, как Вы сами это показываете. И значит, Бог — не моральная и не религиозная категория, а только религиозная форма категории иного порядка. И уже конечно — летописец не идеолог феодализма; бессмысленность такого утверждения из Вашей работы полностью явствует. Но это противоречие в «Повести» в точности отражает политические противоречия. При родовом строе единства нет совсем. При племенном уже нет тотемов лягушки, совы или ящерицы, а есть поляне, древляне и другие, не составляющие государства. Но Русь XI века уже была государством. В этом государстве действуют две силы: центробежные, собственно антигосударственные, представленные феодальными князьями, раздирающими государство на части, и центростремительные, представленные великим князем столично-киевским и «верой православной». В этом смысле летописец выражает то же, что Илья Муромец, который стоит за великого князя и «веру». Отсюда Вы видите, как ошибается Лихачев, считающий, что летопись отражает какое-то «родовое» предание и что здесь связь ее с фольклором²⁴.

Но это значит, что в одном я с вами разойдусь: мысль о «земле Русской» никак не может быть мыслью о прошлом ее. У Вас летописец выглядит немножко ретроградом, желающим повернуть колесо истории вспять. Возможно, что мечта о прошлом есть только способ выражения мечты о будущем. Но объективно летописец

²⁴ «Наличие в X–XI вв. развитого родового предания настолько сильного, что оно проникло в летопись и сохранилось в современном былевом эпосе, — факт большого историко-культурного значения. Перед нами своеобразная устная летопись семи поколений. Будучи родовыми, эти предания оставались и общенародными, проникнутыми высоким сознанием общих интересов всего русского народа в целом» (Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945. С. 11).

представляет здоровую и новую, зарождающуюся государственную идею, вырастающую из своей противоположности — из княжеских усобиц и войн, из феодального разложения.

8.VI

Приехал в город и растерял все мысли и потерял эпическое спокойствие. Поэтому буду краток.

Еще о формах сознания. За преступлением следует кара: зачатки причинно-следственного мышления в моральной окраске. То же, что с Богом в сознании единства. Сознание времени: важнейшая из всех категорий именно для летописи. Как изображаются одновременно происходящие события? (Закон хронологической несовместимости.)

Летопись во всем содержит свое собственное противоречие. Это относится к категории, которую я не умею определить, но которую я назвал бы «чувством действительности», и значит, она историческое сознание. Вы склонны отрицать его у летописца, и, конечно, Вы правы. Но оно не начисто отсутствует. Я не мог следить за некоторыми приводимыми Вами данными, не зная родословной князей. Исторического сознания еще нет, но оно все же уже есть.

То, что Вы называете народно-эпической и агиографической стилизацией, есть не стилизация, а единосущие.

Простите, дорогой Игорь Петрович, если утомил Вас. Скорее исцеляйтесь. Передайте мой сердечный привет и поздравление Берте Григорьевне. Слухами земля полнится, и я уже слышал о блестящей защите²⁵.

В. Пропп

Никак не могу умолкнуть. Еще в одном я вижу в Вас союзника. «Сюжет» не есть единица ни творчества (литературного или фольклорного), как ни изучения. До сих пор всегда изучали все по сюжетам, в том числе и «С₁лово» о п₁олку И₁гореве». Дело не в сюжетах. А вот в чем — это-то и надо угадать. Вы в своей книге так же «бессюжетны», как я в своей²⁶. Мы с Вами «надсюжетны».

---

²⁵ Речь идет о защите женой И. П. Еремина, Бертой Григорьевной Ереминой, диссертации на соискание ученой степени доктора химических наук.

²⁶ Ко времени написания письма у В. Я. Проппа успела выйти лишь одна книга: *Пропп В. Я. Морфология сказки*. Л., 1928.